

## МЕРА БОЛИ.

Сколько раз, и чем дальше, тем больше, приходится слышать слова: «Ну сколько ещё можно писать о войне? Сколько?». Это и в мой адрес тоже. Что ответить? И мне бы хотелось остановиться. Ведь и в самом деле потом, после войны, была прожита целая жизнь, не простая, насыщенная. Перо ни разу не прикасалось к ней. Но вот опять останавливаюсь перед событиями тех дней, героизмом людей той поры, их величием и необыкновенной стойкостью и скромностью. Не могу пройти мимо, хотя совсем не уверена, что смогу показать их именно такими. Не получается пройти мимо.

С этим человеком мы никогда не были знакомы, пути наши не пересекались ни при каких обстоятельствах. Почему же мысли о нём меня не отпускают?

Имя Наума Остроброда мне стало известно благодаря любезно предоставленной помощи и заботам Галины Сергиенко, руководителя отдела музейных предметов архива музея «Лохамей ха-Геттаот».

Итак, село Животово, Орковского района, Винницкой области. Среди многих селян жила и семья Остроброд. Семья как семья. От других ничем не выделялась. Разве что отец был коммунист – ушёл на фронт, да мать – хорошая портниха. Четверо детей: старшие девочки – Бетя и Сима, самый младший – трёхлетний Миша. Ну а Наум был предпоследним. Минул ему в ту пору десятый год. Достаток в доме был, как у многих: не были богачами, но и не бедствовали.

Ужас ощутили, когда пришла весть о том, что и до них добралась война. Первые завладевшие селом немцы сообщили, что они не будут расстреливать евреев. Этим займутся другие части, «специализированные для этого». Новость взбудоражила многих, и пока ещё не настала роковая минута, семью решили спасти, детей разделили и направили в те дома, где собственные дети были эвакуированы. Особое участие во всём этом принял односельчанин Ставничий. Помогал ему в таких делах его сын Ваня. Однако всё-таки настала минута, и семью опять собрали и отправили в гетто. Единственная, кого не нашли, оказалась вторая сестра – Сима, но чуть позже она сама присоединилась к остальным. Тогда-то и решили: если суждено погибать, то лучше вместе.

Гетто, гетто, гетто, в том числе и Ильинецкое. Не раз были попытки со стороны земляков освободить их, но даже когда удавалось, находились такие, кто выдавал их, и всё повторялось вновь.

Наступила зима. Казалось, сам воздух был пропитан смертью. Вот уже расстреляли евреев мужчин. Начался следующий массовый этап. Полагаю, что острее это прозвучит в изложении самого Наума Остроброда, а потому я умолкаю:

- Я помню всё это. Когда нас вели на расстрел, мама сказала мне: «Жаль, что ты у меня не самый старший. Может быть, ты бы как-то спасся. Если ты сможешь, ты должен уйти от расстрела».

Память не всегда и не у всех стирается. Материнские слова и то, как она их произнесла, стали ключевыми для сына на всю отмеренную ему жизнь.

В этот же раз от гибели их спас опять их ангел-хранитель Ставничий. Как-то сумел договориться, забрал, отвёл теперь уже в другую деревню. И вновь «верноподданные» новой власти выдали их. На сей раз семью присоединили к тем, кто находился в бараке и чья участь была окончательно предрешена. Но даже здесь сыну Осадчего, Ване, удалось спасти своего друга-сверстника. Оставшихся расстреляли на рассвете. В том числе маму, сестёр и маленького братика. Наум остался сиротой. Четверо суток бродил он поблизости, видел яму, в которую, как рассказывали местные жители, бросали и живыми. Однажды ночью он споткнулся о бугорок и упал. Подумал, что это могила. Испугался. Поднялся и побежал в сторону деревни. Постучался в первую попавшуюся дверь.

- Кто цэ?, - слышался голос.

-Я, Сурын сын, -ответил мальчик.

Через минуту дверь чуть приоткрылась, женщина подала сало, хлеб и наказала не говорить, кто и чей он: «Нэ трэба баятыся мэртвых, тэпэр жывых баятыся трэба» (не надо бояться мёртвых, теперь живых бояться нужно - украин.). посоветовала придумать себе новое имя и уйти подальше, где его и его семью никто не знает.

## О ЧЁМ ДУМАЕТ РЕБЁНОК, КОГДА ЕГО ВЕДУТ НА РАССТРЕЛ.

С этого времени Наум стал Ваней.

Таки начал бродить по округе в поисках пристанища, хотя мечтал попасть в партизанский отряд. Однако уже был слышан, что так просто его не возьмут: мал, хлопот не оберёшься, да и без оружия далеко не каждого берут, в отряде его недостаёт. Однажды сообразил и начал искать захоронения советских солдат, погибших и наспех захороненных при отступлении. Ему повезло: наши мёртвые «помогали» ему – где-то находил патроны, а где-то и ружьё. Всё это он собрал и припрятал в ему одному ведомом месте. Через какое-то время добрался до села Оратов, не то Ильинецкого, не то Липовецкого района, что на Винничине. Там оставалось несколько еврейских семей ремесленников для обслуживания нацистов. Наума-Ваню эти люди приютили у себя. А ведь мальчик и не предполагал, что опять окажется в гетто.

Как-то он заметил, что стал объектом внимания одного из мужчин. Тот подходил к нему и не раз напоминал: «Ты должен что-то делать. Ты пионер, ты должен сражаться». Однажды он заметил: «Ты должен понравиться оратовскому жандарму». Вскоре его пристроили к нему пастухом. Мальчуган приглянулся «хозяину» – старательный, заботливый, неторопливый. Корова не нервничает, значит, молоко у неё будет хорошего качества.

В один из дней Ваню прихватили с собой в лес, предварительно завязав ему глаза. Гораздо позже он узнает, что был в Туркском лесу, у партизан. Он никому не рассказывал об этом. И всё же кто-то видел и выдал.

Предчувствие – дар Божий, не раз спасало мальчика. Он понимал, что всегда надо быть настороже. Чутьё не подвело его и на сей раз. В гетто все спали на нарах. Ваня же не искал для себя удобного места. Наоборот, он выбирал самое незаметное – под нарами, укрывался соломой.

Ночью стали стучать в дверь. Все поняли: немцы. Начался переполох, заплакали дети. Стали выбирать, кто впустит фашистов, кто первым погибнет. Ваня поднялся, залез между дверьми (в доме были двойные) и открыл входную. Мальчика немцы не заметили. Он же, в страхе и ужасе, впервые обратился к Б-гу и произнёс одну только фразу: «Б-же, сделай так, чтоб немец меня не увидел». А враг стоял в дверях, всех освещал фонариком и командовал, как надо строиться. За ним, вглядываясь в лица выходящих, стояли остальные из его команды. Выгнав всех, полицаи вошли в комнату и сразу же начали разбирать оставшиеся вещи и только после этого выбрались наружу. Ваня, с кнутом в руке, последовал за ними. Кто-то из местных увидел его, но промолчал. Он же чуть отдалившись, рванул и заскочил в первую же попавшуюся дверь. Полицай, бросившийся за ним, потерял его. Хозяйка дома всё поняла и ни о чём не стала спрашивать, лишь предложила поесть и отдохнуть.

И вновь он начал бродить в поисках приюта. Кто-то предложил стать батраком у зажиточного крестьянина. Заметил ли хозяин, кто на самом деле Ваня, знал ли, кто он, мальчик понятия не имел. Его задачей было следить за хозяйством, двумя сыновьями и кормить корову. Хозяин же, как бы случайно, предупредил его: «Там в огороде есть калина. В случай чего, прячься в ней». А немцы заглядывали в богатый дом часто, староста направлял туда, зная, что там есть чем поживиться..

К этому времени массовые расстрелы евреев закончились. Началась охота за немногими оставшимися в живых. Продолжать жить там, куда постоянно приезжали фашисты, стало опасно. И опять начались поиски нового угла для проживания. По дороге Ваня Гончарук (так он называл себя) придумал и новую историю, мол, детдомовец он. Так и попал с этой легендой в семью Брижаниных. Однажды ночью, когда отправился спать на печь, услышал, как жена говорит мужу: «Что будем делать, когда придут немцы и узнают, кто он?». Супруг ответил: «Ну что, нас повесят, детей по миру пустят, а нашу хату сожгут».

В тот миг подросток понял, что они не сдадут его немцам, и с ними надо говорить открыто. Более того, оказалось, что хозяин хорошо знал его семью и постигшую её судьбу.

Наутро Ваня уже в открытую попросил хозяина отвести его в партизанский отряд, добавив: «Я же вижу, что вы туда всё время что-то носите. Тот в ответ только заметил: «Теперь ты будешь спать на горище (чердаке).

Вскоре ночью его окликнули, и он спустился вниз. Там сидели, как запомнит их Ваня, «очень красивые парни». Оказалось, это были командир отряда «Искра» Гнат Кулагин и начальник штаба Саша Шейкин. Мальчик заявил им: «Я от вас никуда не уйду. Моих всех постреляли». Командир посмотрел на него и спросил

о возрасте. Ваня прибавил себе пару лет и сказал, что ему тринадцать. Взрослые переглянулись: на эти годы он «не тянул». «Ладно, - в конце концов, оба пришли к согласию, - пусть играет с Васькой». Подросток повеселел, решил, что в отряде уже есть мальчик. Он ошибся. На месте оказалась сырая землянка и никакого мальчика не было. Васькой оказался кот. Даже спустя долгие годы, когда Наум-Ваня вспоминал об этом эпизоде, он не мог скрыть своей обиды. Я не говорю о восприятии теперешних, наших современников, когда подростками иной раз называют и девятнадцатилетних юношей. В ту пору дети рано выросли и брали на себя ответственность.

Ваня не захотел быть обузой в партизанском отряде. Меньше всего он желал, чтоб к нему относились снисходительно. И тогда он рассказал, сколько припрятал патронов, как нашёл карабин. Вот тогда на него отреагировали по-другому: «Теперь ясно, ты нам нужен. Будешь связным».

Подросток продолжил работать у прежнего хозяина. Трудился, как вол: был пастухом, кормил свиней, а ночи были связаны с работой в партизанском отряде: привозил еду, патроны, узнавал, выискивал новые захоронения солдат Красной Армии. Поиск патронов в них было уже делом других партизан.

Задания были и более сложные, когда надо было наниматься на работу к немцам. А они всё, что можно было взять, собрать, поднять, загрузить, увозили в Германию. Ваня работал пастухом, сторожем, охранял огороды для немцев. Его свели даже с доктором, чтобы в тех невероятных условиях иметь возможность доставать лекарства. И между тем отправлял информацию в отряд. Там же постоянно давали наказ: «Берегись. Держись. Если будут бить, ничего не говори». Его жизнь обрела новый смысл, и суть её стала гораздо сложнее. Ещё раз замечу, дети той поры рано выросли, часто вынужденные сталкиваться с непосильными для них обстоятельствами. И всё же даже в этих условиях они оставались детьми, порой сохраняя своё детское восприятие мира на всю оставшуюся жизнь.

Пока же война продолжалась, и Ваня был одной из песчинок в её круговерти. На этот раз его послали в село Асычное. В фуражке, с цветочком у козырька, в полотняных штанцах, хорошо владея местным языком, ему казалось, что он похож на украинского хлопчика, хотя тревога всё равно никогда не покидала его. Мальчик поселился у хозяйки, у которой была коза. Ясно, что это животное стало объектом его заботы.

И вот он с козой уже на выгоне. Повадки у неё ещё те. Ваня пытается направить её пастись в одну сторону – она рвётся в другую. И так повторяется и повторяется. Вдруг он услышал за собой мужской голос: «Ты чога, жид, чога ты за нэю бигаеш (ты чога, жид, чога ты за ней бегаеш – украинск.)». Мужчина понял, что Ваня не пастух и что он не из этих мест. Взрослый схватил его и повел к старосте. Тот посадил подростка в погреб. Утром его должны были расстрелять. Этим занимались сами немцы.

Надо бы самой рассказать, как всё было, но, считаю, лучше будет, если обращусь к воспоминаниям самого мальчика:

- И вот, когда меня повели расстреливать, я осмотрелся. Было такое хорошее утро. Мне было зябко. Я ещё подумал: о чём это я думаю? Посмотрел на вишни... Я понял, что вишнёвые сады ближе к кладбищу. А немец шёл сзади. И тогда я опять подумал: «И чего это я думаю о чём-то, ведь меня сейчас расстреляют». В голове промелькнуло: «Бежать!». Кругом тихо. Немец идёт сзади. А в голове опять вертится: «Что это я себе придумываю? Ведь меня сейчас убьют». Оказывается, я был сонный, толком ещё не проснулся. Просидел день и ночь в погребе. Продрог. А тут такое солнце. И тут я посмотрел на того, кто меня вёл. Он был рыжий, с веснушками. Он был чуть похож на меня. Я отвернулся от него. Пусть стреляет в затылок, не так страшно будет. И я пошёл».

...Я вновь возвращаюсь к изложенному подростком и удивляюсь: как буднично, просто описывает он дорогу к смерти. А между тем, какая драма, трагедия и какая поэзия в его строках. Ребёнок, шедший на смерть, осознавал ситуацию, в какую попал.

В который раз перечитывая всё это, меня вдруг пронзило, как молнией: а о чём я сама думала, когда меня, вместе со всей нашей семьёй, вели на расстрел? Я была вдвое младше своего будущего героя. Понимание было не то. Осознание тоже, хотя, что такое смерть, уже хорошо знала. Так случилось, что после побега из гетто мы прятались в оврагах, скирдах соломы, картофельных ямах, из которых уже выбрали весь урожай. В селе Неменка (Винницкая область, Украина) нас начали впускать гораздо позже. Прятались порознь, чтобы не сразу всех обнаружили. И всё же именно в этом селе нас выследили и вели. Куда, зачем, я хорошо понимала. Смерть видела уже собственными глазами. Но вот что удивляет: я шла и радовалась. Радовалась тому, что все мы были вместе: мама, папа, сестра, братья и я с ними, чего уже давно не было. Я забыла о наказе отца: сделать всё, чтобы хоть один из нас остался жив. Была зима. Мороз. Тоже утро. Снег ветром

смело с дороги, и она блестела на солнце. Белело только по её обочинам, и до «окончательного решения вопроса» оставались считанные минуты...

Прости, читатель, за личные воспоминания, нахлынувшие так неожиданно.

Я возвращаюсь к своему герою.

Ваня отвернулся от того, кто ещё через несколько шагов должен был оборвать его жизнь, и пошёл, глядя вперёд, в ожидании выстрела. Никого рядом не было, кругом глухое село.

Ваня шёл, шёл и вдруг почувствовал абсолютную тишину. Он остановился. Потом оглянулся... Конвоира не было. Позже, вернувшись в партизанский отряд и рассказав обо всём, он услышал: «Так то был не немец, то был финн». Потом добавили: «Надо подготовить хорошую справку, сделать из него что-то подобное татарину. В случае чего, пусть так расстреляют, но не будут мучить, как еврея или партизана».

Так он стал Базуевым, воспитанником детского дома из-под Киева, и под этим именем продолжал выполнять задания. Всё, что ему поручали. Продолжая и поиск патронов в захоронениях отступивших советских солдат, ибо другого способа пополнить свой боевой запас в тех условиях у партизан не было.

## МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНОЙ.

**В**ойна продолжалась, оставляя за собой разруху и потери. Отряд, в котором числился и Ваня, выследили. Приехала машина фашистов, вооружённых до зубов. Завязался бой. Вот тут-то и обнаружилось, кто чего стоит на самом деле. Ваню старались беречь, прикрывая собой. Подбадривали, как могли, и на сколько позволяли условия. Раненые отстреливались до последнего патрона, и этот последний они оставляли для себя. И вдруг начальник штаба Александр Шейкин и командир отряда Гнат Кулагин на ходу решили и первый крикнул: «Рота, за мной!».

У немцев были гранаты с длинными ручками. Они взрывались через несколько секунд после приземления. Этим и решили воспользоваться наши бойцы. Они хватали брошенные в их сторону гранаты с земли и кидали их в направлении врага. Фашисты не ожидали у себя такого каскада взрывов. Немцев становилось меньше. Но много и наших молодых людей полегло в том бою. Неожиданно прозвучала команда: «Рота, вперёд!». Оставшиеся в живых прорвались сквозь немецкие ряды и скрылись. Ване приказали не приходить в отряд и ничем себя не выдавать.

А время, как всегда, спешило, отсчитывая свои секунды, минуты, часы. Ваня оказывался вновь и вновь востребованным, и его находили. Каждый эпизод, каждый случай при выполнении того или иного задания оказывался критическим и мог стать для подростка последним. И всё же постоянно подстерегавшая опасность, огромная жажда жизни учили его не только быть благодарным совершенно неожиданно возникшей возможности и тому, кто её предоставил, но и постоянно быть бдительным, внимательным и наблюдательным. Словом, он вырос и учился принимать взрослые решения, далеко не всегда соответствовавшие его возрасту. Думать, что он был храбрым солдатом Швейком и ничего не боялся, невозможно. Он был ребёнком. Он знал, что такое страх, и он тоже нередко подталкивал к соответствующему действию. Так, когда он видел шедших навстречу немца или полицая, конечно, сердечко начинало биться учащённо, но ребёнок старался обойти их с левой стороны, считая, что так его будет труднее поймать и, соответственно, левой рукой менее удобно дать оплеуху. Когда ложился спать, запоминал, где дверь. Это была школа. Школа военного времени.

Однажды приехала машина с немцами и полицаями. Привезли старуху Макийвську, у которой Ваня пас гусей. Её везут к берегу, где щиплют траву гуси, и продолжают избивать. Ваня увидел всё это, услышал крики пожилой женщины и понял, что ищут его самого. А её вопли продолжают: «Пэрэстаньтэ быты. Дайтэ слово казаты (Перестаньте бить. Дайте слово сказать)». А деспоты продолжают бить и спрашивать: «Хто в тэбэ – жыд чы партызан? (Кто у тебя – жид или партизан? – украинск.)». Немцы продолжали избивать её плётками, полицайи – кнутами. Вдруг она подняла руки вверх и взмолилась: «Ради Б-га!».

В эту минуту мальчик решил, что надо выйти и сказать, что он еврей. Но случилось неожиданное. Когда старуху перестали бить, она сказала: «Оцэ мои гуси, оце бэрэг, а чы вин жыд, чы партызан, убыйтэ, не знаю» (это мои гуси, это берег, а еврей ли он или партизан, не знаю – украинск.)».

Ваня всё понял. Выходило, хозяйка или на самом деле не догадывалась, кто он, либо не хотела выдавать его, терпя при этом невероятные муки. И тогда паренёк влез в гущу куста. И тут до него донеслась фраза: «Кажы, хто вин, корову получиш (Скажи, кто он, корову получишь – украинск.)». Его не выдали. А дело оказалось ещё в том, что незадолго до этого он составил и распространил листовку, на которой был изображён комар, а под ним подпись по-украински: «Немцев будут бить все. Комары тоже». Это и было основной причиной поиска подростка.

После последних слов женщины её мучители начали оцеплять берег реки. Когда Ваня увидел это из своего укрытия, он вырвал огромный куст травы и бросил его вниз. Все кинулись бежать туда, вниз.

Ваня убежал и спрятался, но ночью опять вернулся в тот же дом, так как идти больше ему некуда было. А хозяйка, избитая, лежит, стонет и при виде его, начала причитать: «Господи, що жэ ты мэнэ так наказуеш? Оцэ дурнэ дытя прыйшло (Господи, что же ты меня так наказываешь? Это дурное дитя пришло – украинск.)». Оказывается, когда он вернётся, мальчика должны были доставить немцам, а чтоб было наверняка, в заложники взяли сына этой женщины. Она же, оставшись наедине с остальными детьми, сказала: «Не возьму греха на свою душу». Через короткое время кто-то из детей передал Ване, что мать заявила, что помирать будет, но ребёнка не выдаст. Ему же наказала взять еды и уйти подальше.

Ваня так и сделал.

... Фашисты по всей территории, где они ни оказывались, продолжали грабить местное население. На сей раз они собирались отправить в Германию коров, собранных со всей округи. Гнать их до ближайшей железнодорожной станции выбрали троих. Среди них оказался и Ваня. В эту троицу входил парень года на четыре старше его, которого величали Мысочкин Григорий Иванович, и ещё один мужчина (между собой молодые его называли стариком).

Партизаны дали указание не допустить угона скота. И вот парни, решив, что тут все свои, стали обсуждать как и когда они начнут разгонять животных. Вдруг они заметили, как старик из-под сена вынул винтовку. Они поняли, что не все здесь свои и что кого-то надо остерегаться, и тут же заявили, что пошутили и проверяли друг друга. Ясно стало, что приставлен глаз, что следит за ними. Понятно, фашисты грабили и всё отправляли в Германию, и потому зорко следили за тем, чтобы всё добро дошло до адресата.

На этот раз немцам не настолько повезло и не весь скот дошёл до станции. Парни вроде и гонялись за коровами, пытались вернуть, но в итоге вышло так, что стадо значительно уменьшилось. Когда же дошли до места, старик исчез. Ребят встретили двое полицейских. Завели в хату. Хозяевам велели накормить гостей.

И вот они за столом. Принесли общую миску с едой, а ложек не подали, как будто ждут кого-то. Вдруг Ваня заметил, что хозяйский сын вроде и не собирается приносить ложки, но всё время поглядывает в окно, как будто ждёт кого-то. Мальчик заподозрил неладное и обратился к своему товарищу: «Зачем нам эта еда? Давай лучше уйдём отсюда». А хозяйский сын, по всему видно, кого-то поджидает, и Ваня понял это. И тогда он обратился к товарищу: «Ты как хочешь, а я пойду, - и громче продолжил, - у меня что-то живот режет». Он вышел во двор, вскочил на свою маленькую лошадку (приехали они на лошадях), стеганул её и помчался в сторону леса. Кто-то из полицаев кинулся за ним. А подросток, добравшись до леса, спрыгнул с лошади и спрятался в густой куст. Вскоре он услышал два выстрела, потом ржание коня и ... тишина. Видно, полицаи поймали лошадь и был рад своей добычей. Ваня же через какое-то время выбрался из своего укрытия и, наконец, добрался до своих.

А что же второй парень? Позже в партизанском отряде рассказывали, что он никакой не Мысочкин и что он партизан. В дом, куда их привели, после побега Вани пришёл фашист и сразу спросил фамилию парня. Тот растерялся и назвал свою подлинную – не Мысочкин, а Мысоцник. Это меняло всё. С ним расправились и как с евреем, и как с партизаном.

Шло время, и после больших потерь отряд вновь начал пополняться и продолжал действовать. Ваня и дальше выполнял задания, но в самом отряде не находился. Немало местных людей помогали ему, немало имён запомнил он. Среди них были Мусич Кузьма Антонович, Швеи Семён Васильевич, практически обеспечивавший отряд питанием, медсестра Ядвига, у которой мать была украинкой, а отец – поляк. Последняя, когда в очередной раз наблюдала за парнишкой в связи с тем, что он заболел тифом, и к тому же немцы испытывали на нём какое-то лекарство, неожиданно тихо заметила: «Пидэш в уборную. Там побачыш (Пойдёшь в туалет. Там посмотришь, увидишь – украинск.). Ваня последовал её совету. Там оказалось пальтишко. Окно было открыто. Ваня понял всё и прыгнул в него. Несмотря на то, что был босой и на нём было лишь одно пальтишко, приготовленное медсестрой. К этому времени он потерял связь с партизанским

отрядом. Более того, выбравшись из больницы, с перепугу он пошёл в противоположную сторону, совсем в другое село.

Был уже 1944 год. Наши теснили врага. Ваня был далёк от этих вестей. Он шёл босой по снегу, как вдруг увидел фашистскую колонну. Немцы заметили его и начали показывать в его сторону. Паренёк залез в снег на уровне своего пальто, чтобы не было видно босых ног, и помахал рукой, будто приветствуя фашистов. Как только они скрылись, он побежал и вдруг обнаружил, что держит путь не в село, а в поле. Он повернул назад. На обратном пути он увидел кровавые следы от своих собственных ног. К тому же он понял, что у него высокая температура. И всё же он добрался до ближайшей хаты, но тут силы покинули его. Ваня потерял сознание и упал.

Сколько находился в таком состоянии, он не знал, но когда очнулся, оказалось, что лежит на лавке. Возле стояла старенькая крестьянка с иконой и молилась Б-гу, чтоб мальчик пришёл в себя. Через какое-то время его стали спрашивать, кто он, откуда, куда направляется. Обессиленный, растерянный, ему сразу не удалось собраться с мыслями, и он допустил ошибку, неправильно назвав детский дом, в котором никогда и не был. Один из стоявших рядом понял, что паренёк сказал не то. Но уточнять дальше, допытываться не стал и фашистам не выдал. Это была семья Рымаренко. Со временем кто-то из сельчан начал приносить гусиный жир для лечения обмороженных ног.

По мере того, как Ваня начал потихоньку выздоравливать после тифа и излечивались ноги, он стал думать, как добраться до своих. Дошёл слух, что в восьми километрах от того места, где он находился, уже действуют наши войска. Путь недалёк, но как туда добраться, если по эту сторону линии фронта ещё фашисты. Случилось так, что вскоре, а это был уже конец февраля – начало марта, застрял в весеннем месиве немецкий грузовик. Солдаты кинулись к Ваниным хозяевам за лопатой и начали откапывать машину. Из этого у них ничего не выходило: её засасывало в оттаявшую от снега жижу всё глубже и глубже. Тогда напарник водителя пошёл за волами. Ваня вновь начал требовать лопату, ссылаясь на то, что мать будет сердиться, если он не принесёт её. Немец не отдавал. Вскоре он замёрз и полез в кабину машины. Ваню позвал тоже. Он поднялся следом, согрелся и на какое-то время забыл о всех предосторожностях и предостережениях своих старших друзей : не проявлять своё еврейство, не выяснять ничего. Разомлев, мальчик вдруг заговаривает с немцем на украинском языке. Фашист отвечает по-немецки и вдруг спрашивает, сколько лет его матери, то есть его хозяйке. Паренёк всё понял и ответил на украинском же (а в идиш и немецком есть схожесть). Более того, осмелев, он задаёт вопрос: «А вы могли бы убыты жыда (а вы могли бы убить еврея) ?». Сосед отвечает: «Можу, но не хочу (могу, но не хочу)». И тут подросток совсем забылся: «А як вы распознаете, хто жид (А как вы узнаете, кто еврей)?» - прозвучал очередной вопрос. «Да мы, немцы, даже ночью распознаем их по ушам» - последовал ответ. У Вани всё похолодело. К счастью, именно в этот момент вернулся с волами помощник водителя. Начали вытаскивать машину. Ваня вернулся к реальности и начал требовать лопату. Её не отдали, а пацана хорошо отлупили. Но не убили. А ведь могли бы.

В какой-то момент мальчуган всё-таки схватил лопату и вскочил в кузов. Машина тронулась, но вскоре вновь застряла. Опять потребовалась лопата. Эта машина оказалась здесь уже не единственной, вокруг была слышна немецкая речь: линия фронта была уже близко. И вновь началась борьба за лопату, закончившаяся тем же. Ваню хорошо отлупили, а лопату забрали. Как потом вспоминал подросток, он громко заплакал, причитая, что мать убьёт его, если он вернётся без неё. Когда же он вернулся обратно к своей хозяйке и рассказал всю историю с лопатой, старушка в сердцах бросила: «Тай щоб ты скыс! Слава Б-гу, що живой остався. (Чтоб ты скис, прокис! Слава Б-гу, что живой остался)».

Так первая попытка добраться и перейти линию фронта не удалась.

## Прорыв.

*П*одготовив документ на другую фамилию и национальность, руководство отряда сразу обратило внимание на то, что они не соответствуют внешности того, для кого предназначены. Слишком кудрявый, рыжий. Тогда и решили подстричь Ваню налысо. За этим строго следили. Да он и сам привык к такому порядку, понимая, что от этого зависит его жизнь.

А мысль дойти до линии фронта не покидала его. Ему всё же удалось узнать, где она, и как добраться до неё. Когда его заметили разведчики, он начал кричать, что он из партизанского отряда «Искра» (ему очень нравилось это название), что командир отряда Жора – Кулагин Гнат Семёнович. Они от него отмахнулись: «Да нужен ты нам сейчас!». Это было разведывательное подразделение и, конечно, он им мешал. Однако паренёк увидел красные звёзды на шапках, начал обнимать всех, целовать и сразу превратился в ребёнка. Ему пригрезилось, что его повезут к Сталину, он ему расскажет, какую жизнь он прошёл и как было тяжело. Мальчик не понимал, что это были лишь передовые части, и до окончательной победы ещё далеко.

На рассвете началась атака. Ваня вырвал у лежавшего на земле немца винтовку, надеясь, что его похвалят за такой поступок, но услышал, как ему кричат: «Прячься за нами!».

Перестрелка закончилась. Увидев Ваню за сараем, разведчики попытались приободрить его: «Ну, ты вообще герой. Подожди, подойдут наши части, и мы тебя сдадим. Ты слишком маленький для таких боёв». «Маленький» - его и в отряде так называли: «Маленький, тебе задание». «Маленький, сделай то-то», «Маленький, тебе поручаем». Так и было, потому что война, обстоятельства сделали своё дело: внешне он не соответствовал своему возрасту. И таким в ту пору он был не один.

А атаки продолжались. Не наступил ещё тот час, когда наши войска подтянулись и всей своей мощью пошли в наступление. Мальчик так и продолжал идти с передовой группой солдат. В Монастырище, откуда он искал путь на передовую, немцы уже отступали. Ваня видит уже иную картину: немцы бегут, сдаются. Такой угрозой они были для него всегда, и вдруг всё поменялось. Он бежит с нашими бойцами вперёд и вперёд, и уже те, кто ещё недавно считал себя хозяином этой земли и всего, что на ней, просят пощады.

Когда поравнялись с домом старушки, что выхаживала его после его болезней, она увидела его и закричала: «Дэ ты був? (Где ты был?)». На бегу он только и успел ответить: «А мэна солдаты хлебом накормылы (меня солдаты хлебом накормили)».

Ещё четыре километра мальчик бежал вместе с солдатами. Город остался позади, опять районный центр Монастырище. Ваня узнал яр, овраг, у которого расстреляли его мать, родных. В этом яру лежало две тысячи четыреста евреев, расстрелянных за период войны. Он узнал это место, остановился. К нему подошёл капитан. Мальчик, торопясь, рассказал историю гибели матери, сестры Симы и маленького братика Миши. Капитан посмотрел на него и только заметил: «Господи, ты мне успел такое рассказать. Если ты уже остался жив, добирайся до Киева, поступай в Суворовское училище. А теперь постой ещё немного у могилы матери».

Ваня стоял и вспоминал материнские слова: «Ты должен остаться живым, чтобы с папой отомстить за нас». Только сейчас он почувствовал, какой стоит холод. Сверху льётся дождь со снегом. Ощутил и сильный голод. Он и не заметил, что уже сутки во рту ничего не было.

В конце концов, его усадили в телегу, дали китель, гражданские брюки, ботинки. А перестрелка продолжалась. Снаряды летят через головы. Погибло шесть человек. Как стояли, так и пали. Один снаряд разорвался в ближайшем дворе. Там были девушки. Их постигла та же участь.

После боя с Ваней опять заговорили о Киеве, о Суворовском училище. Столица Украины уже была освобождена, о чём он слышал, ещё будучи в партизанском отряде. Мальчик добрался до Винницы. Направился в областной комитет партии. Он был уверен, что отец где-то здесь. Всё ещё срабатывало детство, хотя он вернулся уже на три года старше и с таким жизненным опытом. Ему повезло, он встретился с человеком по фамилии Стаховский, хорошо знавшего отца. Начались поиски по инстанциям. Оказалось, отец погиб ещё в 1941 году, при обороне Кривого Рога. Стоя по колено в воде, он обратился к другу: «Мне всё равно погибать – расстреляют или как еврея, или как коммуниста. Ты же держись!». Работник обкома партии не стал рассказывать сыну историю отца, а только сказал: «Где-то отстреливается. Может, появится, - и продолжил, - ты же должен сейчас поехать или в Суворовское училище, или в детский дом, где райком комсомола будет опекать тебя».

Ваня выбрал последнее. У него появилась возможность навещать своих спасителей. Ближе них у него теперь никого не было. Это были очень тёплые встречи. Он обнимал их, целовал, они же радовались, что малец остался жив.

Партизанскому отряду, насчитывавшему восемьдесят человек, в котором числился Ваня, дали десять дней передышки. Затем во главе с Жорой Золотко, он же Гнат Семёнович Кулагин, предстояла очередная операция. Ване же сказали, что идут на переформирование, а когда вернутся, заберут его к себе. Парнишке наказали во что бы то ни стало, выжить и рассказать, как они воевали. Напоследок командир обнял Ваню и надел на него свой свитер.

Взрослые, пытаясь успокоить подростка, сказали ему неправду, зная, что на этот раз их забрасывают в тыл врага, и оттуда они, скорее всего, не вернутся. Так оно и случилось. Отряд выполнил задание Второго Украинского фронта и погиб. В Карпатах есть село Быстрица, в котором школа названа именем командира отряда Кулагина Гната Семёновича.

Как погиб отец, Ваня всё-таки узнал. И тогда он захотел вновь стать евреем, как и папа. У могилы матери он поклялся: «Мама, твой сын будет таким, каким ты хотела его видеть». С трудом поменяв документы, он вновь стал Наумом Остробродом.

При встрече со своими спасителями он им сказал, наконец, что он еврей, что до этого обманывал их. Кто-то ответил: «И слава Б-гу. Мы тоже бачылы, що ты нэ такый, як кажыш. А як бы ты всё поразказував, мы бы ночи нэ спалы. А так нам було спокийнишэ (И слава Б-гу. Мы тоже видели, что ты не такой, как говоришь. А если бы ты всё рассказал, мы бы ночи не спали. А так нам было спокойнее)».

## Послевоенные будни.

Для Наума началась мирная жизнь. Без бомбёжки. Без обстрелов. Без преследований. Она была проще, как заметил сам этот человек, но для утверждения себя в этой жизни потребовала не меньше усилий, хотя они были иного плана. Не раз он будет говорить потом, что ему везло на хороших людей. Однако это известная истина: чтобы тянулись к тебе, надо быть самому магнитом. Поначалу мальчика направили в детский дом. Сказать, что ему боязно было, это ничего не сказать. Больше всего боялся, что ему придётся воровать. Ему хотелось быть таким человеком, каким он представлял себе, что его хотела видеть мать. К тому времени он больше узнал и о своём отце. Тот был партийным работником, его очень уважали.

Как-то в селе Акимовка, откуда была родом мать, он встретил женщину с типично еврейским лицом и именем – Доба. Она знала его отца, семью. Спросила, выслушала паренька, а потом сказала: «Не надо тут тебе быть». А Наум как раз и намеревался остаться в этом селе, когда-нибудь построить свой дом, благодарить тех, кто помогал семье, ему в те страшные годы. Это и Ставничие, и Гнаткивские, и другие, кто выручал и спасал их. Новая знакомая разрушала все эти мечты и планы. Она настаивала: «Тебе надо поехать в Киев, устроиться на работу, чтоб выжить, и только тогда, на том свете, будет спокойно праху отца». Она дала ему на первое время деньги - семьсот рублей. Сомневаясь, Наум всё же принял её предложение. Решив сэкономить, он не стал тратить деньги на билет, а поехал на крыше вагона. Вот и столица Украины. Поезд остановился. Мальчик встал, огляделся, и, по его более поздним воспоминаниям, произнёс: «Ну что, Киев, я победил фашистов, теперь я должен победить тебя». Только после этого он слез с крыши поезда.

Не успел он уйти далеко от вокзала, как его остановили, и всё кончилось тем, что его опять отправили в детский дом. К счастью, всё оказалось не так, как он предполагал. Директор, поговорив

с ним, предложил: «Давай будем вместе создавать детский дом». У Наума остался револьвер, которым он умел пользоваться. Винтовку сдал раньше. Но оружие, в сущности, и не понадобилось. Вместе с директором они ездили по сёлам, искали сирот. Мальчиков крестьяне не отдавали, сами использовали в хозяйстве. Относительно девочек - не сопротивлялись. Их надо было готовить к замужеству, подумать о приданном, ведь ни у кого ничего не было. Воспитателями в детском доме были сельские учителя. Девочек приходилось учить всему – и зашить и заштопать, и постирать, и многим другим более сложным делам. Война забрала матерей и перечеркнула всё, так что начинать надо было с нуля.

Помогая директору детдома в хозяйственных делах, практически паренёк не имел возможности учиться системно. Ничего другого он не мог придумать и, в конце концов, окончил школу экстерном. Затем была армия. Танкист. Командир танка. В его трудовой книжке появилась запись: «Направлен детским домом на завод «Коммунист»». Стал слесарем. Окончил Киевский политехнический институт. Закончил свою трудовую деятельность начальником слесарно-инструментального цеха.

Как просто и гладко идёт перечисление действий в послевоенный период, как будто всё делалось по мановению волшебной палочки. А ведь сколько труда, усилий понадобилось, чтобы достичь всего этого. Сколько бессонных ночей за этим. А ведь и сейчас сколько раз можно слышать довод: «У меня не было возможности учиться».

Пришло время, и у Наума появилась своя семья. Вырастили двух «красивых» сыновей. Отслужили армию. Выучились. Женились. Собрались уезжать туда, куда многие в то время направлялись. Но как сказать отцу об этом?

Настал день, когда сыновья пригласили отца погулять в парк. Окружающее располагало к разговору. Однако активны были только сыновья. Отец молчал. Разговор был о переезде в Израиль. И вот один из сыновей не выдерживает: «Папа, мы с тобой два с половиной часа ходим по этому парку, а ты всё молчишь, молчишь». Отец, наконец, заговорил: «За эти два с половиной часа ни один, ни другой глупости мне не сказали. Вы полностью объяснили, почему хотите уехать».

На семейном совете решили, что и мать поедет с детьми. По рабочим обстоятельствам отца бы не выпустили в то время. И всё же была ещё одна веская причина остаться. Мать. Могила матери. Я знаю, как тяжело сделать этот шаг. Самое трудное при переезде – это прощание с могилами родных. Кому-то это легче даётся, кому-то – нет.

- Из знакомых евреев в Киеве никого не осталось, - с горечью говорит Наум, - При одной мысли, что я уеду и некого даже попросить приглядеть, прибраться могилу, - у меня всё холодеет внутри».

Сколько пережил, перенёс человек, но не по силам оказалось разорвать, разрезать материнскую пуповину.

Не смог?... Не захотел?... Не сумел?... Не получилось?...

Сколько боли во всём этом?

В душе он так и остался маленьким мальчиком, недополучившим материнской любви. Но всё это не уменьшает его героического подвига и величия, как и тех, погибших и за нас с вами.

Июль 2021 г.  
Г. Беер-Шева

Лидия Корнеева,  
малолетняя узница Ильенецкого гетто (Винницкая обл., Украина),  
Журналист, член Союза журналистов СССР.